

К а п р и з ы и с т р а н н о с т и с у д ь б ы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

Читайте романы Олега Роя:

■
Мир над пропастью

Муж, жена, любовница

Улыбка черного кота

Дом без выхода

Капкан супружеской свободы

Обещание нежности

Нелепая привычка жить

Амальгама счастья

Обняться, чтобы уцелеть

Украденное счастье

Барселонская галерея

Эдельвейсы для Евы

Банкротство мнимых ценностей

Мужчина в окне напротив

Сценарий собственных ошибок

В сетях интриг

Галерея «Максим»

Пасынки судьбы

Он & Она

Вдали от рая

Паутина лжи

Игра без правил

Шаль

Тайна

Искупление

Тот, кто стоит за плечом

Письма из прошлого

Три краски

Одно чудесное пари

Человек за шкафом

Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атешево

Фантомная боль

Я тебя никому не отдам

Привет, моя радость! или Новогоднее чудо в семье писателя

Страх

И небеса пронзит комета

Числа зверя и человека

Дилогия «Ловушка»

Ловушка для вершителя судьбы

Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина

ЖЕНЩИНА и мужчина

Скользящий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Рою»

ОЛЕГ
РОЙ

Двойная жизнь

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Оформление серии *C. Груздева*

Рой, Олег.
Р65 Двойная жизнь : [роман] / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).
ISBN 978-5-04-182838-7

В один миг жизнь успешного бизнесмена Дениса Воронцова превращается в ад. Проснувшись утром в номере питерского отеля, мужчина обнаруживает рядом с собой мертвую девушку. Денис уверен: его подставили. Однако кому, а главное, зачем это понадобилось, времени выяснить нет. Все улики против него, Денис вынужден пуститься в бега...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182838-7

© Резепкин О., 2016
© Оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2018

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Пролог

Темнота пахла как-то... неправильно. В типично питерский «букет» — плюш, старое дерево и паркетная мастика — раздражающе врезалась тяжелая, тошнотворно чуждая струя. Словно в антикварный магазин втиснули мясной прилавок.

Денис попытался открыть глаза. Что-то было не так. Голова была странно пустой, но при этом ужасно тяжелой — как будто вчера он выпил не бокал сухого вина, а бутылку скверного самогону. Вдобавок что-то мешало правой руке. Денис пошевелил пальцами: что-то твердое, длинное и — ах ты, черт! — острое. Нож? Откуда в постели нож?

Мерзкий запах лез в ноздри. Может, мерещится? Денис скосил глаза...

Льющийся из окна полусумрак не столько освещал, сколько скрывал окружающее. На смятой гостиничной постели рядом с Денисом лежала девушка. Тихая, красивая, бледная до синевы. Как вампир. И с вампирской же кровавой улыбкой. Правда, улыбка располагалась почему-то ниже, чем нужно... В плотно сомкнутых девичьих губах не осталось, кажется, ни капельки крови, они были бесцветны, почти незаметны, а под хрупким подбородком разверзлась гигантская, что называется, от уха до уха, жуткая «ухмылка», из которой очень вампирски вытекали тягучие темно-багровые потоки...

■ ЧАСТЬ 1

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Юля

Санкт-Петербург — Уфа — Инзер

— Папа, как ты не можешь понять? Я тоже хочу счастья! — Юля резко, словно подброшенная неведомой пружиной, поднялась с кресла и стремительно зашагала по комнате из угла в угол. Но вдруг девушка остановилась, сделала глубокий вдох, расслабляя скжатые кулаки.

Гнев чрезвычайно ей шел. Смугловатый румянец горел на высоких скулах, глаза под бровями вразлет сверкали серо-голубым льдистым пламенем, ноздри тонкого носа раздувались — если бы не идеально облегающий стройное тело, но безнадежно деловой костюм, то прямо Диана-охотница¹, а не какая-то там Юля! Она не любила свое имя. Юлия Андреевна — еще ничего, но вот Юля — нечто бесформенное, почти бесцветное, вроде медузы. А уж Юлечка... как люлечка, тьфу! Она всегда завидовала сестре Насте — вот имя как имя, а у нее... хуже только Ляля какая-нибудь.

Муж, еще до брака, когда они только познакомились, сразу начал называть ее Юла — с ударением на первый слог. Это звучало

¹ Диана — богиня растительного и животного мира, охоты, женственности и плодородия. (Прим. ред.)

Олег Рой

так экзотично, так возвыщенно, так изысканно, что Юля начинала себя чувствовать как минимум Галой Сальвадора Дали. Впрочем, это в ее финэке — Ленинградском финансово-экономическом — были сплошь сугубо прозаические, как и она сама, Вадики, Коли и Наташи. В богемной компании Алексея (звавшегося, по неведомым причинам, Шерифом) Катя становилась Кэтрин, Костю почему-то звали Бонсом, Ваня был непременно Джонни или хотя бы Яном, Оля — Хельгой или Оллой, даже простецкая Наташа превращалась в загадочную Тати. Да и компания была постарше Юлиных однокашников, никаких студентов, все сплошь готовые гении, хотя и непризнанные. А некоторым кусочек признания уже обломился. Алексей, к примеру, числился автором двух довольно популярных песенок и пары-тройки «концептуальных», как они выражались, оркестровок классики, Бонс время от времени концертировал, все в каких-то мрачных подвалах, про Шушунчик (вообще-то Дашу) говорили, что ей Губайдуллина в подметки не годится. От мамы, учительницы музыки, Юля впитала чувство восторженного преклонения перед властителями звуков, так что иногда потом ей казалось, что она влюбилась тогда вовсе не в Алексея, а сразу во всю его компанию, в атмосферу богемности, избранности, почти божественности. Они были Творцы, Моцарты, их ждал музыкальный Олимп. Ее Лешеньку уж точно: отрывки симфонии, над которыми он работал, казались Юле абсолютно непонятными, не похожими ни на что из того, что привычно было с детства, а значит, были настоящим прорывом, подлинным новым словом в музыке. Собственно симфонию (или, быть может, это будет какая-то абсолютно новая музыкальная форма, ведь

Двойная жизнь

симфония — это старье, это скучно) будут исполнять в лучших концертных залах, о ней будут рассказывать в музыкальных школах — «это произведение конца ХХ века стало поворотным этапом в творчестве...» — так же как ее мама рассказывала своим ученикам о Бахе и Вагнере.

Жаль, мамы нет давным-давно, она только и успела, что дочек замуж выдать, даже до внуков не дожила.

А великая симфония Лешенькина так и осталась лежать в набросках, так же как прочие «шедевры». Оперы, мюзиклы, концерты, оратории... «Нет, ты послушай, какая тема, ты послушай, всего одиннадцать нот, а ведь до слез пробирает!.. А, что б ты понимала!» — говорил часто Алексей. Юля через несколько лет действительно перестала прислушиваться к «шедевральным идеям». Гладила ненаглядного по голове, говорила, что да, гениально, что надо продолжать, что творческий кризис — это временно... но — вслушиваться? Лешенька столько твердил, что Юля ничего не понимает в музыке, что она и сама в это поверила. Он — гений, ее же счастье — в заботе о том, чтобы гений мог спокойно работать. Вот Юля и старалась.

Ах, как она старалась! Чтобы не обременять любимого (как все «гении», он не снисходил до пошлого быта, полагая, что еда и чистые рубашки должны появляться сами собой, творческой личности неприлично обременять себя столь низменными заботами), девушка варила суп из топора и проявляла чудеса изобретательности, пытаясь совместить расходы с почти нулевыми доходами. Экономист она, в конце концов, или кто? Когда родилась дочь Машка, в их бюджет еще капали потихонечку

Олег Рой

гонорары за два Лешкиных шлягера. Это помогало держаться на плаву, но не больше. «Флагман отечественной индустрии», где отец когда-то был ведущим специалистом и куда Юля почти с восторгом устроилась (ну и что, что простым экономистом, зато перспективы! Престиж, в конце-то концов!) после института, постепенно превратился в утлую ржавую баржу. Ну и зарплаты «экипажа» (не считая, конечно, самой верхушки, но кто и когда считал зарплаты верхушки?) вполне соответствовали дряхлому виду бывшего «флагмана». Как почти везде с началом «новых времен», платили нерегулярно и не полностью.

Брать деньги у отца Юля решительно не хотела. Особого тепла между ними и так никогда не водилось, а после маминой смерти отношения и вовсе застыли, как лужи под первым морозом — вроде и есть там еще что-то живое, но виден лишь белый застывший лед, который трогать себе дороже, злые осколки изрежут до крови. Иногда, впрочем, приходилось, стиснув зубы, терпеть «вспомоществование», да еще и дочернюю благодарность изображать. Никуда не денешься. Лешенькины «шедеврики» скоро сменились другими такими же однодневками, так что ручеек гонораров, и поначалу-то не слишком обильный, через пару-тройку лет и вовсе иссяк. Редкие концерты — о да, его еще куда-то приглашали! — в заштатных клубах оплачивались, как правило, послеконцертным банкетом, где скучной снеди хватало на пару раз закусить, зато спиртное там текло реками. Юля выбивалась из сил, чтоб хоть что-то заработать, бралась вести бухгалтерию для разнообразных мелких контор, плодившихся с приходом «новых времен», как грибы, и с тоской наблюдала, как ее «моцарт» превращается в